

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
podjukov@yandex.ru

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №17-14-59001-ОГН «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры»

В статье исследуются заимствованные из русского языка термины коми-пермяцкой похоронно-поминальной обрядности. Рассматриваются тематические группы заимствований, характер формальных, семантических и функциональных изменений заимствованных терминов, их образный смысл и мотивированность. Делается вывод об активном параллельном употреблении исконных и иноязычных форм, что объясняется, во-первых, билингвизмом носителей языка, а во-вторых, тесной взаимосвязью языкового и культурного аспектов похоронно-поминальной традиции. Выдвигается предположение о сосуществовании в сознании носителей коми-пермяцкой культуры разных языковых картин мира, отражающих круг представлений о смерти.

Ключевые слова: взаимодействие языков, обрядовая лексика и фразеология, термины похоронно-поминальной традиции, мотивированность образных номинаций.

Похоронно-поминальная традиция коми-пермяков и смежные с ней темы в силу своей высокой архаической окрашенности не перестают быть объектом внимания этнографов, фольклористов, этнолингвистов (см. в частности работы последнего времени [Чугаева 2015; Королёва 2014, 2016; Подюков 2016]). Набор атрибутов коми-пермяцкого погребально-поминального комплекса существенно дополняется элементами освоенных от русских соседей христианских обрядов в их народно-православной версии, старообрядческими обрядовыми формами.

Русский лексико-фразеологический материал активно вовлекается в коми-пермяцкую похоронно-поминальную терминологию благодаря тесным этнокультурным и языковым связям коми-пермяков с русскими. В нем хорошо проявляются черты характерного для современных коми-пермяков смешанного билингвизма (владение двумя языками и сравнительно легкий переход от одного языка к другому). Известно, что при этом типе билингвизма формируется общая понятийная система, и одно и то же понятие может выражаться принадлежащими разным языковым системам языковыми знаками; между ними постепенно устанавливается се-

мантическая связь. Установление заимствованного термина нередко затрудняет наличие универсальных образов. Так, обозначение гроба как дома в выражении **кулём горт** («мёртвый дом») вряд ли является калькой, гроб и дом отождествляли и народы коми, и славяне («у ижемских коми сохранились представления о доме и гробе как о тождественных символических единицах в рамках одного архетипа» [Голубкова 2015: 21]). С другой стороны, сочетание **вековой дом** («Умрёт человек, домой же пойдёт. Сё равно в вековой дом уже идёт») (Кебраты Гайн.) следует считать заимствованием (известно как название могилы [НОС 1992 1–111]).

Исследуемые в настоящей статье номинации касаются основных структурных составляющих обряда: его этапов, участников, обрядовых акций и атрибутов. Среди рассмотренного материала выявляются, во-первых, кальки типа выражения **отпевайтны кулёмёс** ‘отпеть покойника’, связанного с православным обрядом над телом умершего (при отпевании читаются молитвы и поются погребальные стихиры). Отмечено также использование полукалек, напр. **прошёной лун** ‘сороковой день, когда душа покидает дом, сороковины’ (Лобозово Коч.); отмечена, впрочем, и форма **прощальный день**: «Поминальный прощальный день с душой в сорок второй день после смерти. Сорок-то дней поминали, а на сорок второй прощаются, выходят, все выходят, и даже занавески сколыхнутся все» (Крохалево Юс.). Сочетанием **покойнишной ва** обозначают воду, которой обмывали умершего: «Воду покойнишную, говорят, колдуны собирают. Этим-ко напоят, потом будет умирать человек. Покойнишной ва. Умирает человек. Сокнет, сокнет, сокнет и умрёт» (Мысы Гайн.); «Надо себя помазать покойнишной водой по телу, чтобы покойника не бояться» (Трифонов Юс.). Эта вода и в коми-пермяцких, и в русских говорах Прикамья иногда называется **мертвой** (в русских говорах отмечены однотипные номинации обрядовых предметов типа **мертвое мыло, мертвая подушка**, которые могут использоваться в магии [СРНГ 18:123]). Название воспринимаемой как магическое средство воды с русским заимствованным компонентом *покойнишный* используется параллельно с собственно коми-пермяцким обозначением **миськаан ва**: *Миськаан ванас юктавасё, мортыс косьмё, кувё* – «Водой, которой обмывали, напоят, человек сохнет, умирает» (В.-Иньва, Куд.).

Значительна по объёму группа похоронно-поминальных терминов, представляющих полные заимствования. Среди них отмечены древние лексемы (типа *яма* ‘могила’), общеупотребительные и диалектные (*кладбище, могильник*). Любопытно восприятие русского диалектного *могильник*, которым в широком употреблении у русских называется древнее кладбище, как коми-пермизма: «Здесь могильник когда-то был. Могильник по-пермяцки, по-русски – кладбище» (Они Юс.).

В полной форме заимствуются названия освоенных реалий русской обрядности. Так, сочетание **первѳй встреча**, как и в русских говорах, используется для обозначения особого подаяния первому встречному по пути на кладбище: «Хлеб некинлѳ оз сетѳ? - А пантасяс, сетѳны. Кре-стаѳны сѳйѳ эшѳ суниснас. И сэтчѳ пуктѳны десять рублей денъга. Носо-вик пуктѳны эшѳ. Сѳя первѳй встреча» – «Хлеб никому не дают? – А встретится, дают. Крестьян его ещѳ ниткой. И туда кладут десять руб-лей денъги. Носовик ещѳ кладут. Это первая встреча» (В.-Иньва Куд.). В заимствованиях отмечается большое количество фонетических, граммати-ческих, семантических изменений: **панакида** – панихида, церковная служба над телом умершего, **первѳй** вместо первая, сев. **поконник, по-койнича (поконнича)** – об умершем, **родителлез** – о давно умерших предках (с этим названием связано устойчивое выражение **рѳдителлез мыжѳны**, букв. «родители покарали» ‘о бедах в семье, болезни или про-паже скота’, что связывается с действиями умерших).

В заимствованиях типичны формальные и семантические наруше-ния. Таков глагол **вспоминать, вспоминаться** вместо *поминать*: «Сорок дѳн ещѳ, тут вспоминают. Сначала вспоминают, потом душу провожа-ют» (Чураки Кос.); «Вилками вспоминаться не надо, говорят. В глаза втыкают вилками у покойника, если вспоминают с вилками» (Казѳнное Юс.). Название небольших поминок **обедок** создано с неверным выбором уменьшительной морфемы: «Через три дня обедок маленько делают, че-рез шесть дней, через девять, тожно сорок дней собирают уже. Тогда многих собирают родственников» (Пятигоры Кос.). Нарушение правил наращивания/усечения основы при словопроизводстве очевидно в случаях **гробщик** ‘об изготовителе гробов’, **копщик** ‘о копателе могил’. Наиболее частотный суффикс лица по деятельности привлекается для обозначения того, кому в обряде поручается обмывание умершего: «Кто крестики на человеке ставил, специальный, **мытник** называется у нас. Мешочек спе-циально шился, когда всѳ покойнику готовили. Потом его на столе под клееночкой держали в углу у боженьки. Вот рано утром, в четыре, в пя-том мытнику его соберут» (Кубенѳво Юс.); слово используется наряду с коми-пермяцким **миськалѳсь**. Заимствования активно варьируются, при-чем вариативность носит не только билингвальный характер, а отражает общую неустойчивость слова в русской диалектной среде. Так, **сорочины**, поминки на сороковой день называются **сорокдѳн, сорочина, сорочины, соротины**: «На сорочины у нас покупают пряники или печенье, подщи-тают все и как бы дают по одной» (Дмитриева Юс.). Изменения могут быть такими, что в ряде случаев для выявления заимствования нужно ис-пользовать специальный этимологический анализ. Название заплетаемой умершей женщине косы **балича** («Косичку плетут, только назад, баличу»

(Мысы Гайн.) отражает древнюю аналогию смерти – брака, т.к. заплетание баличи – обязательный элемент свадебного обряда: *«Две косы заплетут, по темечку прямой ряд пустят. Волосы так скрестят и ко лбу поднесут. Это называли у нас балича. Это значит поверенная мужу до смерти. Так до смерти и носила»* (Кубенёво Юс.). С помощью заплетания косы особым способом (как невесте, но с опущенными вниз и уложенными назад волосами) усопшая «лишается последних признаков принадлежности живым» [Байбурин 1993: 108]. Термин **балича** (реже **балыча**) восходит к звукоподражанию *баля*, которым в русских говорах и в коми-пермяцком языке подзывают (и нередко называют) овец; в слове также очевиден русский суффикс *-ич(а)* с семантикой женскости. Известны и другие сближения невесты и овцы, напр., обрядовое заплетание косы с помощью нитки из овечьей шерсти (*«Верёвку тоненькую делают из овечьей шерсти и этим заплетают, вот когда замуж выйдешь, вокруг головы замотают. Некоторые до сих пор носят»* (Кубени, Юс.)); в Новгородской области существует номинация *ярку загонять* ‘приводить невесту в дом мужа’, в пермских говорах фиксируется формульное объяснение прихода сватов **Овечка потерялась, ищем, не видели?**

Сложный случай освоения демонстрирует слово **двоежила**, которым называют раздвоенную на конце осиновою (реже еловую) ветку, – средство для отваживания «ходящего» покойника: *«Раньше самоубийце елочку тыкали в могилу. Двоежилу. Он по двенадцати родственников тащит за собой. Тыкали, чтоб не утащил. Вот возьмут осину, вилкой и тыкают в могилу»* (Дмитриево Юс.). Слово восходит к русскому *двужилый*, которым характеризуется крепкий, сильный человек, оно связано с восприятием сухожилия как органа, заключающего в себе жизненную силу. Исключительность такого человека «объясняется» удвоением этого жизненного органа: «сильное, выносливое существо живет как бы двумя жизнями, отбирая силу у окружающих его людей или животных» [Журавлев 1985: 78,79]. В коми-пермяцкой среде, как мы видим, отмечен перенос этих качеств человека на дерево, что поддержано устойчивой демонизацией раздвоенного дерева (**вожа пу**): *«Вожа пуэз вот эмось. Бур, басёк вёрас. Сэтиём стройной, вермас не отик кер петны. А несчастной!»* («Развоенные деревья вот есть. Хорошее, красивое в лесу. Такое стройное, может не одно бревно получиться. А несчастное!» (В.-Иньва Куд.).

Русские заимствования фиксируются в ключевых для обряда темах. С православной традицией похорон связано выражение **отдать грехи** ‘исповедаться для отпущения грехов’ (ср. пермское диалектное **грехи сдать**). При этом покаяние умирающего в коми-пермяцкой традиции имеет специфическое оформление: *«Бабушка умирала, она сказала, к березе вот пойду, с березой распрошшаюсь, чтобы грехи отдать. Наговорила – жи-*

вите хорошо, не ругайтесь. Чтобы было все нормально. Грех, говорит, ругаться. На берёзу молилась. И прямо потом спустилась на коленки. Так, говорит, грехи обмаливают берёзе. Каются. Видимо, берёзе токо. Видимо, забирает. Это дерево потом нэ сохнет и падает. И дерево сейчас действительно высохло и упало, и всё. Исповедалась бабушка» (Мысы Гайн.). Моление берёзе (у коми-пермяков этоосновное ритуальное дерево) объясняется ее связью с культом предков.

Специфические обрядовые манипуляции связаны с заимствованными русскими обрядовыми атрибутами обряда. Особое подаяние для первого человека на пути похоронной процессии **встречный хлеб (каравай, чёлпан)** имеет разнообразные способы оформления: *«Соль, хлеб встречный, нитки. Иголку втыкаешь в катушку. И первому встречному дает это всё» (Бажино Юс.); «Встречный хлеб готовят, первый человек, кто попадает. Булку или ерушник, туда деньги медные положат, ниточкой крест-на-крест свяжут или носовым платком» (Купрос Юс.).*

Обрядовое воплощение характерного для многих погребальных культур осмысления дороги как смерти отражено в термине **дорога / дорожка, подорога**, которым называют либо специально изготовленную длинную салфетку, либо задействованный в обряде *проводин* предмет (особая вязаная лента, нитка; ветка дерева; поминальное блюдо): *«Дорогу ешо, плетут дорожку, чтобы выходить он мог, иголкой вязальной. Два метра. Туда ложишь, к гробу и наверх. Чтобы он мог выходить» (Доег Юс.); «В могилку ниточку опускают и потом на крестик. Это дорогу-то покойнику, чтоб вышел» (Дмитриево Кос.).* С этими предметами связаны разнообразные приемы делания (показывания умершему) символического пути к родному дому: *«Нитки через локоть намотают, дорогу как делают» (Купрос Кос.); «Пихтовые веточки кидают перед гробом – это дорога» (Кубенево Юс.); «Хлеб, булка, туда нитки наматываешь и денежки положишь. Нитка – это дорога, видимо, для покойника» (Рудаково Юс.); «Подорогу небольшую делали, три раза вокруг пальца оборачивали нитку и дарили» (Калинино Юс.); «Когда будут прощаться, дак первому нитки положат. Это дорогу, говорят, покойнику показывают» (Архангельское Юс.); «Открывать дорогу – это кислый кисель. Вот кисель похлебаешь – дорогу ему откроешь, чтоб он с богушкой ушёл, потом остальную еду ешь» (Кубенёво Юс.).*

Активно варьируется и исполнение обряда **выкупа земли (места)** во время похорон: *«Когда могилку выкупаешь, денежку туда бросали» (Они Юс.); «В могилку кидают деньги, желтенькие стараются. Говорят, землю надо выкупить покойнику» (Сивашер Юс.); «В могилку яички бросишь, руки отвяжешь, ноги отвяжешь, деньги бросишь – все, место выкупишь. Чтоб он всегда жил и не тужил» (Ганево Юс.).* Бросание монет в могилу

во время похорон называется **землю брать**: «Хоронят, денежки в могилу кидают – землю берут» (Чураки Кос.); глагол *брать* здесь использован, как и в русских говорах, в значении ‘покупать’.

Поминальная пища, как известно, имеет знаковый характер и выполняет магические функции: как проявление, торжество жизни, она противостоит смерти, отсюда знак сытной загробной жизни – обилие пищи, кутья из цельных зерен, символизирующая воскресение, мед как атрибут рая и бессмертия. Ритуальность угощения во время похорон и поминок у коми-пермяков подчеркивает обязательное использование **трёх яств**: «Пельмени, яички, конфеты – три яства. Душу провозжают тремя яствами. Или кисель, оладьи и что-то там ещё. Не меньше трёх блюд, три блюда – это обязательно. Надо де три яства» (Крохалёво Юс.). Ср. в русской традиции: «На поминки надо три перемены: пельмени кислые из квашеной капусты, пельмени грибные, пельмени мясные» (Б. Долды Черд.). Обязательна в обряде «старая» пища (каша-куття, кисели, пироги, блины, шаньги), пища сугубо «природная» (приготовленный на солоде из толченых ягод черемухи кисель **лязгай**, поминальный напиток **травник** («На похороны травник делали – на девятый день, кладут в тиво ветки смородины с листом, настаивается» (В. Язьва Крас.)).

Пироги – одно из обязательных поминальных угощений. Коми-пермяки готовят на поминальный стол пироги с любой начинкой, но обычно закрытые, несладкие и на огне. Распространено поминальное угощение пирожки-**надпыльники**, похожие на *перепечи*: «Надпыльники перед печкой пекли, ими поминали» (Бажино Юс.); название связано с *надпыльник* ‘кожух перед устьем русской печи для вывода дыма’, от *пыл* ‘жар, пламя’. Еще один вид поминальных пирогов – **йёла пирёг** (букв. «молочный пирог»): «На край поминального стола еще йёла пирог положат. Это пироги с крупой, со сметаной, еще картошны пироги были, тоже круг стола» (Зинково Кос.). Поминальной считается приготовляемая из яиц **селянка**: «Селянку из яиц поставят. Это без лука и молока яйцо жареное, как блин, только немного толще» (Новожилово Юс.). Селянка в Сибири, на Русском Севере считается праздничной пищей (часто делается с молоком и маслом, иногда с добавлением рыбы, сухарей).

Обязательное для поминовения блюдо – **шома кисель** (нередко используется кисель трёх видов – кислый, ягодный, молочный): «Кисель был. Шома кисель. Вот клёб пекут, с нево, с этово делают шома кисель» (Мысы Гайн.); «Кислый кисель получается. Вот кисель похлебаешь – дороге покойному откроешь, чтоб он с богушком ушёл, потом остальную еду ешь» (Кубенёво Юс.). Кислая пища в обрядах, как известно, соотносится со сферой жизни, а пресная, пустая – с темой смерти; кислое значимо и как бродящее, активное, и как испорченное, становящееся непригод-

ным (см. подр.: [Пьянкова 2008]). Параллельно привносит в обряд идею переходности коми-пермяцкий кислый суп **азя шыд** (типа рассольника, на перловой крупе: *«Поминать делают азя шыд»* (Кочево)).

Еще одна группа заимствований – названия обрядовых предметов. Обрядовое печенье **лестовница** (от *лествица* ст.-слав. «лестница»), изготавливаемое к похоронам, символизирует духовное восхождение души праведника в рай: *«На окно ставили лестовницу, выпекут специально из ржаной муки, в день похорон. Она потом стоит сорок дён»* (Иринёво Юс.). Аналогичный смысл имеет вязаная лента **лестница**, один конец которой опускается в могилу а другой укрепляется на кресте: *«Метра два с лишним надо, чтобы кверху ещё осталось. В могилку опустят. Это лестница будет, для души. Ей ведь выходить надо»* (Казённое Юс.).

Русское название **пара** используется для называния нитки длиной в рост оставшегося в живых супруга (кладется в гроб, чтобы покойник на том свете не ждал его): *«Нитку в гробу растягивают, кладут рядом с покойником и говорят, вот тэныт пара, а мэно эн виччись! Вот, мол, тебе пара, а меня, мол, не жди!»* (Коса). Это переосмысленное обозначение двух однородных предметов, а также двух близких друг другу людей специфично для коми-пермяков, хотя и близко к распространенному в русской традиции обряду укладывания в гроб похоронной нитки-смерка, которая воспринимается как опасный двойник умершего (в ряде мест Прикамья используется для колдовства или магических отворотов).

Локализация обряда во времени отражена в заимствованных названиях дней поминовения. Название поминания умершего в день его смерти **памень** является переосмысленным обозначением способности закреплять, сохранять и воспроизводить в сознании информацию, прежние впечатления. Обряд предписывает не бессознательное, непроизвольное воспоминание об умершем, а задаваемое неписанными правилами его чествование: *«Папöлön вöли памень, а мэ миськаси сийа лунö. Кыч поткöтис косам. Не чэччыны, не вöрзёччыны эк понды вэрмыны»* («У папы были поминки «память», а я мыла в тот день. Как ударило в поясницу. Ни встать, ни двинуться не могу») (Мысы Гайн.). По народным представлениям, поминки устраиваются в день рождения, так как, по словам информантов, самоубийц, как и остальных умерших, в этот день отпускают с «того» света на землю, к своему дому: *«Ним вунсö ковö касьтивны, сэтчö пö ведзöны быдöс покойниккесö»; «День рождения надо поминать, на него отпускают всех покойников»* [Чугаева 2009]. Этот день смерти и памяти (*Кулан лун*) также называется **мертвый**, или, как и в русских диалектах, **умерший день**: *«Вот у нас в умерший день поминали, каждый год поминали»* (В. Язьва Краснов.). Поминание проводится в третий день (**куимöт лун**), на девятый день (**деветь дён**): *«Кöр деветь дён, мужик кö*

кувис, чтобы мужиккез воктісö перво»; «Когда девять дней, если умер мужчина, чтобы первыми пришли мужчины» (Доег Юс.), в шесть недель (**квaть/шесть недиль**): «Шесть недель – поминка большая. Душа живет в доме шесть недель. Потом уходит на небо» (Федотово Юс.); в **сорок дён**: «Сорок дён-то поминали с народом, а здесь на шесть недель поминают только со своей семьей» (Рудаково Юс.), в **семик** (поминальный день на Троицу): «На кладбище у нас в четверг ходят, Семик называется. А в субботу у нас не ходили, говорили, в субботу ходят кержаки токо» (Ракшино Куд). Отмечается в ряде мест дифференциация этого поминального дня: **Мирской Четверг**, в который умерших поминают только мирские, т.е. православные (Гайны), и **Кержацкой субот** – поминальная суббота у староверов. Выделяется также время активности умерших между Покровской и Дмитриевской поминальными субботамаи **Межсубботы** (**кык субöт колас**, букв. «между двумя субботамаи»): «Меж субботамаи всегда покойники прячут, надо обед сделать. Она обед сделала, потом нашла телёнка, в лесу был, стоит в лесу, как привязанный, еле домой привели, никак не идёт» (Плёсо Гайн.); «До субота верман мöс босьны, верман мый вузасьны, а кык суббот коласас даже некинлö нем эз сетасьлö көркö. И кык субот коласас касьтысяннэз керлісö». («До субботы можешь корову купить, можешь что[-то] продать, а между двумя субботамаи даже никогда ничего не давали когда-то. А между двумя субботамаи поминки устраивали» (Чазево Кос.)).

Словарь коми-пермяцкой похоронно-поминальной терминологии, как мы видим, существенно дополнен русскими заимствованиями, которые приобрели свой национальный колорит, частично изменили свою функциональную направленность. Под влиянием русского языка возникают дублетные термины, параллельно употребляется исконная и иноязычная формы, что объясняется, во-первых, билингвизмом носителей языка, а, во-вторых, тесной взаимосвязью языкового и культурного аспектов похоронно-поминальной традиции. Выражая представления коми-пермяков о смерти и смежных с ней понятиях, материал показывает существование в сознании носителей коми-пермяцкой культуры разных языковых картин мира.

Список сокращений

Гайн. – Гайнский район, Кос. – Косинский район, Коч. – Кочевский район, Куд. – Кудымкарский район, Черд. – Чердынский район, Юс. – Юсьвинский район.

Библиографический список с сокращениями

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Голубкова О. В. Образ дома и его мифических обитателей в традиционном мировоззрении коми-ижемцев. Баландинские чтения. 2015. Т. 10. С. 20–27.

Королёва С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. №23. С. 52–76.

Королёва С. Ю. Леший и мертвец в мифоритуальной традиции Северного Прикамья // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV Международной научной конференции (Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г.) / Сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 56–59. Совместно с Т.Г.Голевой.

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1. Новгород, 1992. 157 с.

Подюков И. А. Пение в русской и коми-пермяцкой похоронно-поминальной традиции. // Традиционная музыкальная культура строгановских вотчин. М-лы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения». VIII. Усолье, 2016. С.32–36.

Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект. АКД. Екат., 2008. 23 стр. Журавлев А.Ф. «Русский двуязычный» // Этимология. 1985. М., 1988. С. 78-81.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1992. 367 с.

Чугаева С. В. Трапеза в поминальной обрядности коми-пермяков. – Ж. Вестник Чувашского университета, Сер. История. Исторические науки. №1, 2009. URL:<http://cyberleninka.ru/article/v/trapeza-v-pominalnoy-obryadnosti-komi-permyakov> (дата обращения: 17.01.2018).

Чугаева С. В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков): монография. М.: Триумф, 2015. 298 с.

I. A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

RUSSIAN BORROWINGS IN THE FUNERAL-COMMEMORATIVE RITUALISM OF THE KOMI-PERMYAKS

The article analyzes the terms the funeral-commemorative Komi-Permyk ritualism borrowed from the Russian language. Thematic groups of borrowings, some character of formal, semantic and functional changes of the borrowed terms, their figurative meaning and motivation are discussed. A conclusion about active parallel usage of original and foreign language forms is made; the fact is, firstly, explained by the natural bilingualism of language users, and, secondly, by the close interrelation of the language and cultural aspects of the funeral-commemorative tradition. A hypothesis about the coexistence in the mind of the Komi-Permyak culture-bearers of different linguistic views of the world reflecting some ideas about death is made.

Key words: language interactions, ritual lexis and phraseology, terms of funeral-commemorative tradition, motivation of figurative categories.